

Любовь, дружба, встречи и расставания, радости и потери... Именно о них «Пожилые записки» Игоря Губермана - сочинителя популярных четверостиший, прозванных в народе «гариками». Есть они и в этой книге, выпущенной нижегородским издательством «ДЕКОМ», но приводятся лишь в связи с удивительными событиями, которые вспоминает автор. Представляя читателям новую книгу, предлагаем вашему вниманию отрывки из «Записок...» И.Губермана.

Не помню точно, от кого я именно выслушивал истории, которые так и хранятся в памяти, где смешано недостоверное с сомнительным, но сильно поразившее когда-то. За Байкалом это было, в глухом северном селе. Учитель географии выводил детей на экскурсию по родному краю, и на обвалившемся крутом склоне возле реки нашли они яйцо птеродактиля. Огромное и по виду не тухлое - вечная мерзлота, а что птеродактиля или какого-то другого древнего ящера, так учитель это сразу понял. Позвонил в район - и привалила вдруг оттуда целая комиссия начальства. Перед этим позвонили районные начальники в Москву, прямо в Академию наук, и там их так по телефону восхваляли, что запахло в воздухе хвалебным очерком о культурной жизни отдаленного села. Вот и приехали они взглянуть, покуда не нагрнули газетчики и не уехало яйцо в столицу. Посмотрели, там же в доме у учителя напились, а тот, под собой не чуя ног от привалившей жизненной удачи, суетился и по мере сил угождал. Сам он холостой был, нищий, в доме пусто, самогон родители учеников доставили, выпивка еще была, а всю еду смели за час. И вне себя от счастья и в затмении ума учитель кинулся на кухню и из того огромного яйца гостям яичницу поджарил со свинными шкварками. Когда в себя пришел, уже доедали. Скорлупу-они послали все же в Академию наук, но оттуда даже не ответили...

От маленьких таких историй вся душа моя играет и поет, я слушать их могу с утра до вечера, от них теплеет жизнь и мир становится светлее - будь у меня средства, я бы пьянки-сходняки для рассказчиков коротких баек устраивал, как некогда акынов собирали у ковра восточные восточные гурманы. Мне кажется, что эти мелочи - и есть та ткань, из которой соткана наша подлинная жизнь.

Приятель мой, входя в редакцию, с порога спросил сотрудницу однажды:

- Аля, ты могла бы ради процветания своей страны и благоденствия любимого народа пропустить через свою постель дивизию солдат?

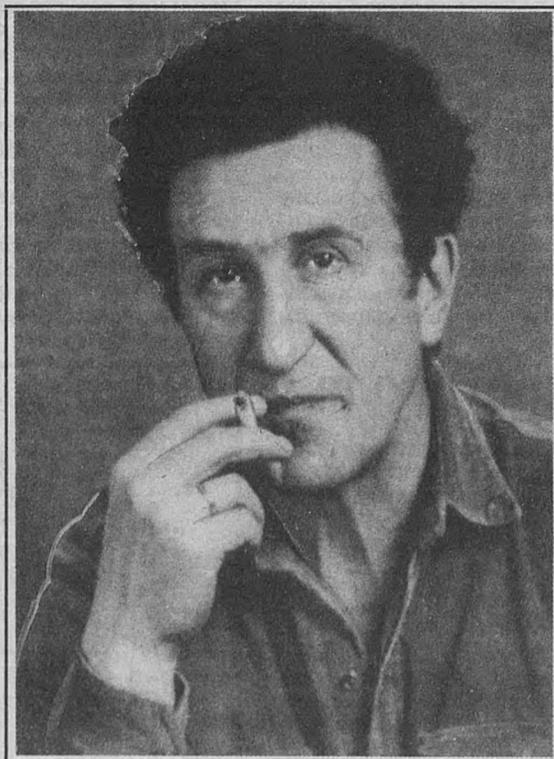
Красотка Аля, продолжая полировать свои розовые ногти, меланхолически откликнулась:

- А дивизия - это сколько человек?

Вовек я не забуду историю одной очень пожилой поэтессы, замечательного доброго человека, автора великопесенных песен. Она была певицей в молодости, и послевоенные годы застали ее в одном крупном областном театре большого южного города. К тому же муж ее тогдашний был в этом театре главным режиссером, так что в доме их собирались все творческие и прочие заметные люди города. И в один прекрасный день певицу вызвали к наиглавнейшему чекисту области. Он предложил ей сесть, спросил о творческих успехах и без перехода предложил раз в месяц сообщать о разговорах в их доме. Время было не такое, чтобы можно было просто отказать, это понимали они оба. Она ссылаясь на свою плохую память - он напомнил ей, что многочисленные арии она ведь исполняет наизусть, - не так ли? Она пыталась что-то лепетать про свою умственную слабость - он ей сухо возразил, что их интересует не истолкование бесед, а голое их содержание. Деваться было некуда, и откуда обрести спасение. Она взглянула на чекиста, умоляюще шепнула: «Извините, я сейчас», - и побежала к двери кабинета. Но, не добежав даже до края огромного ковра, остановилась, виновато глядя на него. По ворсистому роскошному ковра вокруг ее прелестных ног расплзлось мокрое пятно.

- Идите, - брезгливо сказал большой чекист, - мне с вами все понятно.

А все застольные рассказы Зиновия Ефимовича Гердта я немедленно записывал на салфетке, чтобы, не дай Господи, не забыть эти благоуханные байки. Про его тещу, в частности, с которой был

И повторилось то же самое еще пару раз - был безупречно одинаковым ответ на любой вопрос настырного артиста-патриота. А потом заглохла их беседа, оба спать легли, а утром возле Ленинграда был разбужен Весник уже одетым, в полной форме, при регалиях державным полководцем.

- Товарищ актер Мензик, - сухо и твердо произнес Тимошенко, - я вчера вам, кажется, чего-то лишнего наговорил, так вы забудьте.

О Господи, тоскливо думал я после любой такой истории (а сотни их), - какие же ничтожества владели полностью судьбой нашей и миллионами судеб современников! Да еще были для нас живой легендой, небожителями, по достоинству державшими в руках нити нашей жизни и смерти.

Много рабского, конечно, в нашем остром интересе к этой своре, но душе целебно, чтоб очнуться, низвержение вчерашних мизерных куми-

НИ ДНЯ БЕЗ БАЙКИ

он очень дружен и которая была, по всей видимости, очень чистым и наивным человеком. Как-то раз из Америки привез Зиновий Ефимович снимок с забавного объявления, висевшего в каком-то городке в аптеке: «Чтобы приобрести цинистый калий, недостаточно показать фотографию тещи, нужен еще рецепт». На первой же дружеской пьянке в честь возвращения показал он этот снимок всем гостям, и все засмеялись, а теща негромко спросила:

- Зямячка, неужели она была таким плохим человеком, что он решил отравиться?

Очень известный актер Евгений Весник из Малого театра как-то оказался в одном купе с вислоусым стариком - легендарным маршалом Тимошенко. Уютное двухместное купе и ночь езды до Ленинграда очень располагали к общению, и маршал благосклонно согласился расписать бутылку коньяка с неведомым ему актерской столичного театра. После пустых каких-то обсуждений житья-бытья Весник не удержал обуревавшего его любопытства и, старательно подбирая слова, спросил у маршала, как это вышло все-таки, что такие талантливые полководцы были перед самой войной убиты Сталиным. Так изложил он деликатно свой вопрос, будто затрагивал чисто хозяйственную, строго интендантскую часть дела: мол, пригодились бы отчизне эти люди, ради чего же их так неразумно извели?

- А хер его знает, - бодро и беспечно ответил вислоусый, склеротически румяный командарм.

Снова чуть поговорили о житейском. А потом опять Весник не выдержал и спросил с такой же аккуратностью о первых днях войны: мол, как же не были готовы линии обороны и вооружения всей армии к возможному нападению заведомо вероломных фашистов?

- А хер его знает, - меланхолически ответил один из главных военачальников державы.

ров. А как очнется она полностью, то пропадает этот интерес - по крайней мере очень близко и еще живы вчерашние свидетели.

Однажды, например, заговорили о поэте Тихонове, и я заклокотал, как чайник, извергая нечто обличительно-высокое (как пал отменный некогда поэт до жирного и подлого чиновника), а услышал в ответ крохотную жалостливую историю. Жила в семье у Тихонова молодая домработница, и начала она вдруг поправляться, пухнуть и смущенно попросила об увольнении: забеременела от какого-то знакомого солдата. Что ты, Клаша (или как там ее звали), успокоили ее хозяева, рожай спокойно, мы ребеночка усыновим. И родила она, и вправду усыновили или удочерили, не помню подробностей. Но не прошло и пары лет, как снова стала Клаша пухнуть, отводить глаза и поговаривать, что ей пора в деревню. Да рожай ты и не мучайся, опять сказали сердобольные хозяева, усыновим и этого, не надо так страдать. Получили Клашу из роддома со вторым ребенком, записали снова это чадо как свое, но времени совсем чуть-чуть прошло, и снова стала увольняться Клаша. - «Неужели ты опять подзалетела?» - спросила ее хозяйка. «Нет, - сказала Клаша с надменностью, - а просто я в семье с двумя детьми не нанималась, мне столько работы не по нраву, я к бездетным ухожу».

Не знаю степени правдивости этой истории (да и узнавать не хочу), но появились новые какие-то оттенки в черно-белой моей прежней окраске мира. Я преувеличиваю? Возможно.

В те годы поэт Светлов был народным заседателем, одну историю про его сонное сидение на уголке судейского стола тоже я слышал.

Шло дело об изнасиловании во врачебном кабинете. Было что-то темное во всем происшествии: врач будто бы для овладения пациенткой использовал какие-то наркотики.

- Вот под наркозом он меня и насильничал, - бойко и громко пояснила разбитная бабешка, - я не почувствовала, потому и не кричала.

Заседатель Светлов поднял голову с ладоней (он дремал, о стол облокотившись) и спросил:

- Скажите, пострадавшая, вас насильовали под общим или под местным наркозом?

Заседание прервалось и уже в тот день возобновиться не смогло, даже судья не в силах был вернуть своему лицу пристойное выражение.

Моя любовь к таким коротким жизненным историям и довела меня до собирания эпитафий. Я вдруг сообразил, что лаконичные надписи на могилах ничуть не менее говорят о нашем сознании, чем байки. Подлинные, разумеется, надписи. Ибо придуманные - не случайно становятся анекдотами («Циля, теперь ты веришь, что я болен?»), или: «Здесь лежит тот, кто должен был сидеть»). Но стоит присмотреться к эпитафиям, написанным всерьез, и сладкое охватывает чувство, что на самом деле все мы - персонажи анекдотов для кого-то, наблюдающего нас со стороны.

Москва: «Спи спокойно, дорогой муж, кандидат экономических наук».

Одесса: «Дорогому брату Моне от сестер и братьев - на добрую память».

Есть эпитафия, написанные слаконичностью, достойной древних римлян:

«Лежал бы ты, читал бы я».

Заказывают надпись, не подозревая, как она прочтется посторонними глазами. Вот, например, нередкий текст (написан искренне, конечно):

«Ты ушла от нас так рано, дорогая мамочка! Благодарные дети».

Поэты всех времен и всех народов упражнялись в сочинении эпитафий. В том числе - и для самих себя заранее, как будто заклиная этим смерть от слишком раннего прихода. А что в эпитафиях есть некая мистическая сила, убедился я и сам когда-то.

Моему приятелю было под тридцать, когда он женился. Обожал жену, и внешне счастье их казалось полным и безоблачным. Но через год развелся. Я причин не знал и не расспрашивал, мы были не настолько близкими людьми. Женился снова. Мы как раз в этот период стали более дружны. И как-то он пришел ко мне прощаться: решил уйти из жизни. И причину мне, конечно, рассказал (сейчас она понятна станет). Выслушав его, я закурил и медленно ему ответил вот что:

- Смотри, в твою судьбу я вмешиваться не имею права. Ты решил - твои дела. Но я по-дружески тебя хочу предупредить: я испохаблю, я вульгаризую и скомпрометирую твой героический уход какой-нибудь пакостной эпитафией. Так что ршейай.

И к вечеру я эпитафию ему уже принес:

*Деньгами, славой и могуществом
пренебрегал сей прах и тлен,
из недвижимого имущества
имел покойник только член.*

Приятель мой и злился и смеялся, пару раз нехорошо меня обозвал, но явно задумался. А я ушел, я долг свой выполнил. А дальше главное случилось: он поправился! И все в семье у него стало хорошо. А что причиною тому - мистическая сила эпитафии, понятно каждому, кто разумеет.

О чем думают люди, заказывая надписи на могилах усопших? Не всегда легко ответить на такой вопрос. Вот подлинная эпитафия начала века:

«Такая-то, купеческая дочь. Прожила на свете восемьдесят два года, шесть месяцев и четыре дня без перерыва».

А в Израиле на одном из городских кладбищ есть эпитафия, по которой сразу можно сказать, кто заказал ее и какова его натура (изменяю только фамилию - ведь, может быть, хороший человек):

«Спи спокойно, жена известного певца Расула Токумбаева».

Кагда-нибудь издам такой альбом. А на обложке помещу гениальную эпитафию со старого питерского кладбища:

*Здесь покоится девица
Анна Львовна Жеребца.
Плачь, несчастная сестрица,
горько слезы лей, отец.
Ты ж, девица Анна Львовна,
спи в могиле хладнокровно.*